

УДК 321.01+1(091)

Ирина Борисовна Фан

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела философии
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург (343) 251-70-88 Irina-fan@yandex.ru

ГРАЖДАНСТВО И МИГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ XX ВЕКА

Статья посвящена рассмотрению основных политических концепций по проблеме трансформации современного института гражданства под воздействием глобальных процессов, особенно миграции. Автор показывает историческую и социокультурную обусловленность данного института, его инвариантные и изменчивые характеристики и противоречия.

Гражданство, институт, миграция, глобальные политические процессы.

Проблема миграции давно уже обрела статус предмета теоретических исследований социальных наук, причем с тенденцией ее передвижения с периферии в центр внимания. Напрашивающаяся аналогия с «великим переселением народов» в Европе IV–VII вв., приведшим Римскую империю к крушению, ставит глобальную миграцию в разряд катастрофических явлений, способных привести к кризису существующий глобальный порядок, включая политические структуры национального государства и гражданства. Предметом статьи является осмысление современных трансформаций института гражданства под воздействием глобальных процессов и особенно миграции, с позиций ряда социальных и политических концепций конца XX в.

Гражданство – один из центральных политико-правовых институтов, определяющих состав членов и структуру государства и тем ограничивающих его всемогущество. Он воплощает механизм реализации двусторонней правовой связи индивида и государства как совокупности взаимных прав и обязанностей со стороны гражданина (автономной личности) и государства («коллективной личности»). В законодательном определении гражданство понимается как «устойчивая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности» и «правовое оформление состояния сложившегося устойчивого сообщества людей, образующих государство» [12, с. 6, 10]. Наделяя гражданина субъективными правами, данный политико-правовой институт свя-

зывает государство обязанностями по их реализации. Объем прав и свобод гражданина зависит от функционирования всей системы права (конституционного, гражданского и других), от политического и правового режима государства, обеспечивающего исполнение законов. Гражданство представляет собой институциональное измерение феномена гражданина, но обладает еще и социокультурным содержанием, поскольку связь лица с обществом составляет основу связи лица с государством. Это единство политического, социального и культурного аспектов гражданства связывается понятием нации. В.В. Ильин и А.С. Ахиезер об этом пишут следующим образом: «Подразумеваемая радикальность черты “государственность” для нации, возможно понимать “нацию” как совокупность граждан державы на базе конституированного отношения согражданства» [7, с. 84].

В юридическом смысле гражданство – явление и объективного, и субъективного права. В объективном значении гражданство – это институт государственного права и законодательства, в субъективном – принадлежность лица государству, выражающаяся в правах личности по поводу гражданства. Гражданство как политический институт интегрирует национально-государственный суверенитет, а также права и свободы личности, прежде всего политические. Конституционный политико-правовой статус гражданина – это статус лица, на правовой основе принадлежащего к определенному государству и обладающего правоспособностью, совокупностью прав, свобод и обязанностей [17, с. 64]. Он базируется на статусе гражданина как субъекта гражданского права, участника гражданских правоотношений и носителя правоспособности. Основу правового статуса человека составляют гражданские (личные) права – совокупность естественных и неотчуждаемых основополагающих прав и свобод, не зависящих от его принадлежности к конкретному государству. Гражданин пользуется со стороны государства защитой прав и законных интересов внутри страны и за ее пределами, «это лицо, обладающее правом и обязанностью активно участвовать в реализации государственной власти, это субъект политической деятельности» [1, с. 111, 112]. Гражданство характерно преимущественно для государств с республиканской формой правления или конституционных (парламентарных) монархий.

Гражданство выполняет двойственную роль: выступая в качестве символа и средства оформления единства нации в рамках одного государства, оно дифференцирует население по отношению к властвованию, служит инструментом распределения власти. Гражданство рассматривается также в качестве условного социального контракта между государством и гражданином, по которому гражданин, выполняя обязательства по уплате налогов, подчинению законам, несению воинской службы и т.д., вправе требовать от госу-

дарства исполнения услуг по защите его законных интересов и прав. Исторической причиной расширения гражданства в годы Французской революции была потребность пополнения армии, формируя армию на основе призыва, взамен государство должно было включить в число активных граждан дополнительные категории мужского населения. Институт гражданства формировался в результате «переговоров» между государством и гражданами по поводу условий их взаимоотношений [10, с. 10], возникал в результате публичной сделки между правительством и представителями третьего сословия и низов. В этом смысле гражданство является уникальным «товаром», включающим услуги государства по обеспечению прав гражданина на личную безопасность, пользование государственным аппаратом, социальное обеспечение и др. Подобное понимание гражданства содержится в концепции фискальных отношений В. Волкова, которую приводит Л.Е. Бляхер [3, с. 66]. Такая модель гражданства установилась в западных странах в XVIII–XIX вв., когда «власть была экономической по природе» [13, с. 9].

Развитие института гражданства в странах Запада на протяжении последних двух веков шло под воздействием двух противоречивых процессов: расширения объема прав индивидов, признаваемых гражданами, и распространения гражданства на новые категории населения [19, с. 3; 6, с. 33]. Т. Маршалл представил первый процесс через динамику трех компонентов гражданства: собственно «гражданского» (основные личные права и свободы), политического (право голоса и участие в принятии политических решений) и социального (права на безопасность и социальную поддержку). Первоначальная обособленность этих компонентов гражданства в XX в. уступила место объединению всех трех групп прав в едином гражданском статусе. В ходе классовой борьбы статус полноправных граждан получили низшие классы и женщины, был снижен возрастной ценз для возможности реализации гражданских и политических прав. Все это касалось преимущественно коренного населения той или иной страны. Институт гражданства эволюционировал в направлении формального выравнивания положения людей, обеспечивая универсальную правовую защиту от социально-политической и экономической системы неравенства. Он выполнял функцию интеграции и стандартизации разных политических и культурных практик в соответствии с формальными нормами публичной жизни. Под влиянием демократических революций XIX в., подъема национализма и распада колониальных империй гражданство формировалось как институт, сопряженный с политическим пониманием нации, а не человечества, как в проекте Канта, и трансформацией ранних государств Нового времени в демократические республики. Национальное самосознание стало одной из социокультурных основ превращения подданных в политически активных граждан.

Дискуссии и философское осмысление любой национальной идентичности вращается вокруг соотношения универсального («прирожденных естественных прав») и уникального («права особенного») в ней, например английской идентичности. Формирование нации и возникновение национализма связано с образованием исходных представлений об идентичности тех, кто формирует нацию. Национальная идентичность всегда складывается в ходе конфликта идей и армий в захватнических и/или гражданских войнах. В истории любого либерально-демократического государства можно найти дискуссию (и/или войну) о принципах формирования государственности, подтекстом которой является проблема национальной идентичности или определения круга граждан. Рассматриваемый Б. Капустиным пример Английской революции, в ходе которой состоялась дискуссия между «левеллерами» и «грандами», дает возможность выделить общую логику дискуссии [8, с. 121]. С точки зрения демократических сил, основой идентичности должны быть «прирожденные права», присущие всем жителям страны, независимо от их социального статуса и других различий. Ее политическим выражением должно стать всеобщее избирательное право, признание суверенитета народа, упразднение привилегий, ограничение собственности законом. С точки зрения консерваторов, основу идентичности должны составлять исторические традиции обычного английского права, исходящего из стабильности собственности, подчинение законам и наличие экономического интереса (частной собственности) в этой стране. Политическими правами должны быть наделены владельцы частной собственности. Ни беднякам, ни иностранцам нельзя предоставлять избирательных прав. Главная разделительная линия в дискуссии проходит между собственниками и не собственниками, эта граница и должна определять основы гражданства, нации, национальной идентичности.

В классическом либерализме произошло снятие оппозиции собственности и «неотъемлемых прав» посредством признания собственности «неотъемлемым правом», что способствовало выработке политического компромисса между верхами и низами общества. Однако универсализация собственности в качестве «неотъемлемого права» придала ей радикальную двусмысленность. Возникает ли право каждого на собственность? Реализация такого права предполагает программу радикального перераспределения имущества, что несовместимо с капиталистическим мирохозяйством. Или же универсализация собственности – это право собственности быть политико-экономическим «базисом» общества, подчиняющим себе все аспекты жизни, а политическим носителем этого права становится привилегированное меньшинство? Это приближает общество к идеальной модели капитализма, но отдаляет его от модели эгалитарной национальной общности. Начиная с XIX в. конфликт версий пони-

мания универсальности собственности выражался в борьбе демократии и либерализма. Компромисс между ними был достигнут с помощью концепции «государства благосостояния», которая обобщает собственность на определенные коллективные блага. Собственность превращается в «неотъемлемое право» и примиряется с собственностью как привилегией меньшинства. С тех пор «государство благосостояния» стало структурной основой современного национального государства, разрушение которой глобальным капитализмом угрожает самому существованию государства-нации и чревато возвратом классовых войн. Однако снятие оппозиции собственности и неотъемлемых прав (разные смыслы выражает ее интерпретация с помощью категорий свободы и равенства или прав гражданина и прав человека) может быть лишь временным, историческим вариантом определения национальной идентичности. Каждое поколение вносит свое понимание «неотъемлемых прав» и определения национальной идентичности. Новая гражданская идентичность устанавливается на основе взаимного признания, в процессе выработки которой в ходе буржуазных революций ведется настоящая борьба за объединение на основе правового равенства всех членов государства и по поводу основы взаимного признания и распределения власти внутри революционного лагеря между сторонниками «неотъемлемых прав» человека или «права собственности». Главная проблема в споре «демократов» и «либералов» – какое особенное должно стать всеобщим нравственно-политическим принципом создания государства и основанием национальной идентичности: построенное на равенстве или на свободе (в связке с собственностью)? Это спор о том, кого считать «народом», или совокупностью граждан нации, обладающих политической субъектностью. «Народ» как всеобщее – носитель разума и воли, направленной на общее благо, может стать явлением политики только в качестве особенного, то есть превратившись в нацию. Поэтому формирование нации и гражданства – необходимый и единый процесс, лежащий в основе современных государств.

По мнению И. Валлерстайна, институт гражданства служит механизмом вовлечения новых претендентов в политический процесс, в процесс реализации частногражданских и публичных прав, и одновременно – механизмом исключения из него определенных категорий населения. Идея гражданства «по самой своей сути всегда сочетает в себе понятия включенности и исключенности» [5, с. 160]. Для легитимации процедуры исключения в самом механизме гражданства заложена культурная матрица дифференциации и классификации людей: «понятие *гражданин* способствовало кристаллизации ... длинного списка бинарных разграничений, образующих культурный фундамент капиталистической мирозкономики XIX и XX вв.: буржуа пролетарий, мужчина и женщина, взрослый и несовершенно-

летний, кормилец и домохозяйка, большинство и меньшинство, белые и черные, европейцы и неевропейцы, образованные и неграмотные одаренные и бесталанные, профессионалы и любители, ученые и дилетанты, высокая культура и низкая, гетеро- и гомосексуальность, норма и отклонение от нее, и, конечно же, как обобщение всех этих бинарных противопоставлений – цивилизованный и варвар» [цит. по: 10, с. 9].

Смысловое поле феномена гражданина, института гражданства и гражданственности мы предлагаем описывать с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций. Культурная матрица, лежащая в основе гражданства, и институциональным, и ментальным образом структурирует наличное население той или иной страны по нескольким осям: по горизонтали – деление на *своих (друзей)* и *чужих (врагов)*; по вертикали – на *господствующих* и *подчиняющихся*; ось *эгалитарного* и *элитарного* устанавливает меру равенства и неравенства между *своими* в государстве как системе реализации политических прав; ось *публичного* и *частного* показывает конкретную степень реализации частных и публичных прав гражданина в условиях того или иного политического режима, задает характер соотношения частной и публичной жизни людей.

В гражданстве можно выделить три взаимосвязанных аспекта. В институциональном плане гражданство – это устойчивая политико-правовая связь между индивидами и государством, выражающаяся в наличии взаимных прав и обязанностей. В деятельностно-практическом аспекте оно представляет собой «совокупность институционализированных социальных практик» (М. Сомерс), детерминируемых конкретной социальной и культурной средой. В символическом, ценностно-нормативном и социально-психологическом аспекте гражданство – особая идентичность, связанная с членством в политическом сообществе, подразумевающая комплексное многоуровневое качество субъектов деятельности и отношений, включающее ментальные формы, ценностно мотивирующие и побуждающие данных субъектов к социальному действию в определенном направлении. Институциональные параметры феномена гражданина представляют собой овеществление культурных и ментальных форм, а практические отвечают за систематический переход одного в другое.

Каковы современные тенденции эволюции института гражданства? Модель национального гражданства сталкивается с серьезными вызовами и со стороны «мультикультурализма» внутри государств, и со стороны процессов глобализации в современном мире. Глобализация А. Гидденсом определяется как уплотнение сети всемирных связей, которое имеет своим следствием взаимовлияние местных отдаленных событий [18, с. 64]. Национальные государства уже не могут в достаточной степени контролировать наднациональ-

ную глобальную экономику. «Социальное государство» в большинстве стран оказывается под вопросом. Феномен нового «низшего класса», порождаемый усилившейся миграцией рабочей силы, распространяется из стран «третьего мира» на центры «первого». Возникают очаги потенциальных и реальных внутригосударственных конфликтов между «низшим» классом мигрантов и «средним» слоем постоянных граждан. В результате утрачивается социальное и политическое единство населения в национальных государствах, составляющее основу их конституционного устройства, в том числе и конституционный статус гражданина, и подвергаются эрозии институты и формы реализации прав граждан. Назревает глубинный конфликт «между высоким уровнем национального самосознания общества и не менее высокой степенью, в которой элиты денационализированы и привержены космополитическим, субнациональным и транснациональным ценностям» [15, с. 506-507]. Ценностные и идеологические различия между «патриотической публикой» и «денационализированными элитами» свидетельствуют о фактическом функционировании «непредставительской демократии» (С. Хантингтон) и чреваты утратой общественного доверия к правительству.

Демократическое правовое государство встает перед проблемой нормативного самоопределения. Моделью формирующегося «постполитического мира» становится транснациональное предприятие [14, с. 225]. Кризис подступает и к национальному государству, и к формам политической социализации, и к гражданскому обществу. Последнее вытесняется децентрализованным мировым сообществом (постгражданским обществом), распадающимся на неупорядоченное множество самовоспроизводящихся функциональных систем. Граждане погружаются в анонимную сеть отношений, где есть лишь императивы самосохранения. Размывание политического в глобальном обществе связано, с одной стороны, с импlosionом масс [4, с. 11], равнодушием населения к политике и симуляцией их свободного выбора символическими механизмами, применяемыми властной системой, с другой – с потерей значения политических институтов национальными государствами перед транснациональными корпорациями и глобальными процессами. Замена национального общества глобальным рынком приводит к превращению гражданина конкретного государства в глобального потребителя. Исчезает политическая автономия граждан, «гражданин сетевой эпохи» (Й.М. Геенно) сохраняет лишь свою частную автономию, уходя в сферу приватной жизни. Демократическое государство заменяется «государством частного права». Существует тенденция превращения гражданина в подданного наднациональной корпорации. Международное право уже не справляется с глобальными проблемами: социально-экономическим и культурным неравенством между Севером и Югом, экологическими бедствиями, военными конфликтами, терроризмом и т.п.

Процесс формирования новых или возрождения исчезнувших государств, начавшийся в условиях деколонизации после второй мировой войны и распада Советской империи, сталкивается с актуализацией этнонационализма, стремления к закрытости, ксенофобии. Современные общества колеблются в осуществлении «двойного кодирования», касающегося масштабов изоляции и включения [14, с. 232], то есть проблемы определения базовой совокупности граждан государства. Для стран с переходными политическими режимами это вопрос о выборе модели республиканского гражданства или подданства, или вопрос определения национальной идентичности. Это еще и выбор между республиканизмом и этнонационализмом. Ю. Хабермас считает классический проект Нового времени не вполне реализованным в европейских странах. Различая либеральный и республиканский варианты понимания гражданина государства, Ю. Хабермас предлагает путь их согласования в виде делиберативной политики. Его теория коммуникативного дискурса представляет собой попытку спасти либеральный проект, дополнив его действенными этикой и демократической политикой.

В современной политической философии обсуждаются дифференциация и транснационализация (глобализация) как основные тенденции в эволюции гражданства. Глобальный характер миграции ставит практиков и теоретиков перед необходимостью совершенствования механизмов приобретения гражданства и исследования комплекса условий и перспектив данного института. Особенно актуально осознание зависимости функционирования современной демократии от политической культуры граждан. Понятие гражданства описывает «формальное отношение между “базовыми единицами” современной политики (государством и индивидом)», и показывает статические и динамические аспекты политики [10, с.7]. С конца XX в. в западных странах активизировались «новые социальные движения», требующие «признания идентичности» подчиненных меньшинств, обладающих расовыми, этническими, религиозными, гендерными и т.п. культурными отличиями от большинства населения. Сомнению подвергается «универсализирующая» функция института гражданства. Культурные различия детерминируют такую реализацию прав и свобод гражданина, которая порождает систему социального неравенства. Культурный партикуляризм с характерным для него требованием «политики различий» («политики идентичности», «мультикультурализма», «дифференцированного гражданства», «особых прав меньшинств») ставит перед необходимостью исследования правомерности притязания либеральных демократий на универсальный характер института гражданства, поскольку его функционирование опирается на локальную политическую культуру европейских государств. В этот период в западных демократиях подчиненные меньшинства, обладающие специфиче-

ской культурной идентичностью, ведут борьбу за особые условия включения в число граждан и требуют признания собственной идентичности и адаптации политических институтов и практик к их особым потребностям. Они заявляют об отказе от универсального набора прав гражданина и предлагают дифференцированный подход предоставления из полного набора прав гражданина разных групп прав различным категориям людей. Если в XIX–XX вв. главной целью социальных движений было признание политических прав гражданина («активного гражданства»), то к концу XX в. выяснилось, что избирательные права не всегда востребуются и реализуются.

Классическая модель гражданства строилась на идее необходимости обеспечения гражданам равного доступа к участию в управлении государством. Институт гражданства был механизмом нивелирования различий при включении в публичную сферу. Речь шла о моральных и этических различиях в рамках единой западноевропейской культуры как системы либеральных и демократических ценностей. Эффективным способом решения проблемы считалась процедурная справедливость, базирующаяся на «нейтральном отношении» к различиям в публичной сфере (Р. Дворкин). В гражданстве отрабатывались в основном институциональные механизмы достижения равенства. «Новые социальные движения» переориентировали внимание исследователей на проблему социокультурной основы института гражданства и всего здания системы представительной демократии. Встала проблема минимальных культурных требований либерально-демократической политической системы к представителям других культур, претендующих на гражданство, то есть требований к человеку или группе, касающихся их способностей выполнять функцию (роль) гражданина. Минимальным условием функционирования либеральной демократии считается лояльность граждан собственному государству. Значит, каждый мигрант как претендент на гражданство должен обладать минимумом политической культуры хотя бы на уровне пассивной лояльности.

Однако способы обеспечения публичной сферой равного признания разных идентичностей оказываются недостаточно эффективными. В функционировании социальных и политических институтов современных наций-государств проявляется идеологически окрашенный культурный империализм, в качестве универсальной постулируется культура привилегированной группы – элиты нации. Либеральный дискурс до сих пор рассматривал институт гражданства сквозь призму индивидуальных прав. Требования «признания идентичностей» групп не вписываются в либеральный дискурс и принятые процедуры включения в круг граждан. Способом разрешения проблемы стал принцип мультикультурализма – «равного признания» идентичности разных групп на основе презумпции цен-

ности традиционных культур (Ч. Тейлор). Совершенствование механизмов признания культурных различий связано с развитием практик гражданского участия и практик «делиберативной демократии» (Ю. Хабермас). Фактически намечается новый этап взаимодействия между институциональными и культурными аспектами гражданства, теперь в виде взаимодействия принципов «процедурной» и «делиберативной» демократии. Потребности меньшинств в признании их культурной идентичности находят разрешение в процессе переговоров, результатом которых становятся изменения норм и практик реализации прав гражданина. Таким образом, происходит дифференциация института гражданства, «размывание» его универсального и эгалитарного характера, фрагментируется и ослабляется гражданская идентичность.

С 1990-х гг. в рамках постлиберального дискурса гражданства прозвучали идеи «транснационального» и «глобального» гражданства (Р. Баубек, Э. Балибар). «Транснационально прогрессистский» политический дискурс провозглашает отказ от принципа индивидуализма во имя принципа культурного и национального равенства, переосмысленного в духе мультикультурализма. Постлибералы констатируют факт утраты национальным гражданством своего эгалитарного смысла и превращения «из инструмента расширения сферы политического участия в обществе в своеобразное институциональное орудие различения «своих» (полноправных граждан) и «чужих» (жителей страны, занятых в производстве, но исключенных из политического сообщества) [11, с. 19]. Вследствие этого внутри нации возникает новое разделение на господствующих и подчиняющихся, обусловленное этническим происхождением иммигрантов. Левые либералы и радикальные демократы причины неравенства усматривают в «национальной» составляющей современного гражданства и в качестве способа выхода из ситуации предлагают отказ от признания этнических характеристик за основание приема или отказа в гражданстве. В рамках транснационального подхода в противовес «национальному» и «супранациональному» гражданству предлагается «транснациональное гражданство» как новый способ включения иммигрантов в политическую жизнь Европы, более соответствующий принципам либеральной демократии, нежели сложившаяся практика международного апартеида, утвердившего новое деление на европейцев и неевропейцев как внутри объединенной Европы, так и за ее пределами. Такая ситуация есть следствие попыток возрождения европейской идентичности.

Б.В. Межуев, вслед за У. Брубейкером, ставит проблему наличия корреляции между «транснационализацией» гражданства и его «дифференциацией» [11, с. 21]. Фиксируется тенденция «расщепления» института гражданства и единого гражданского статуса на три обособляющихся элемента – «коллективную идентичность», «поли-

тическое членство» и «право на социальные гарантии и выплаты». Иностранному рабочему во многих европейских странах для участия в местных и региональных выборах не требуется гражданство; человек может быть наделен социальными правами и привилегиями, не имея избирательных прав или не будучи гражданином конкретной страны. Опасность заключается в тенденции исключения из гражданства права на политическое участие. В будущем предполагается замена института национального гражданства «космополитическим сообществом постоянных жителей». «Транснационализация» гражданства мыслится не как расширение пределов «национального» гражданства (такой вариант считается нереалистичным), а как исключение из «космополитического идеала всемирного гражданства» демократизирующей функции данного института – участия граждан в управлении государством. Становлению института «глобального гражданства» и триумфу демократии препятствуют тенденции к «закрыванию» западноевропейских наций. Общеευропейское гражданство не является институтом, расширяющим политическое участие для граждан стран – новых членов Евросоюза. Иницирующий глобализацию Запад отстраняется от института «глобального гражданства», поскольку установление последнего может приблизить растворение культурной идентичности стран «золотого миллиарда» и привести к возникновению политической и культурной зависимости «белого человечества» от народов «мирового Юга» [11, с. 22]. Поэтому для постлибералов конец «национального государства» не означает конца «национального гражданства». Выступая против предоставления политических прав иммигрантам и расщепления института гражданства, постлибералы стремятся сохранить полноту прав гражданина, и прежде всего политические права, лишь за коренными гражданами европейских стран. Удастся ли сохранить институт национального гражданства в его нынешнем виде в контексте всего спектра происходящих изменений – неизвестно. Проект «транснационального» гражданства замещает нереализованный проект «постнационального» (глобального) гражданства, теоретическим и практическим следствием которого могло бы стать разрешение противоречия между универсальным статусом человека и партикулярным (привилегированным) статусом гражданина национального государства, между правами человека и правами гражданина.

В процессе создания Европейского Союза актуализировалась идея «национализации» гражданства. Метрополии бывших колониальных империй объединились между собой в ЕС, помимо других целей, еще и для более эффективного противостояния своим бывшим колониям. Этот выбор обусловлен цивилизационным сходством европейских стран: инвариантными характеристиками либеральной цивилизации – цивилизованностью (гражданственностью),

осознанием особой европейской идентичности, принципиально отличающейся от неевропейских идентичностей колониальных народов. Дух уникальной западной цивилизации объединяет народы Западной Европы и США и отделяет их от других народов мира.

Миросистемный анализ рассматривает современный социальный мир как исторически меняющуюся систему мирового сообщества, становление которого порождается многообразием взаимодействий различных социальных субъектов – региональных союзов, государств, обществ, культур, этнических и религиозных групп, индивидов. Этот подход акцентирует внимание на том, что структура современной миросистемы есть «проблема, решаемая в самом процессе становления взаимодействий между субъектами» [9, с. 492]. Модель национального государства и гражданства, сформировавшаяся на основании капиталистической мироэкономики (КМЭ) также обретает характер проблемы. Начиная с 1980-х гг. наметилась тенденция спада развития современной КМЭ. Ее наиболее глубоким выражением стала исчерпанность ресурсов дешевой рабочей силы и необходимость реструктуризации КМЭ. И. Валлерстайн отмечает, что «современная миросистема как система историческая вступила в стадию завершающего кризиса» [5, с. 5], институционального и мировоззренческого. Крах коммунистических режимов в 1989 г., упадок национально-освободительных движений в «третьем мире», кризис доверия к кейнсианской модели развития на Западе вследствие нарастающей социальной поляризации в мировом сообществе по линии Север-Юг, для миросистемного подхода является знаком крушения либерализма как определяющей геокультуры современной миросистемы. Массовое разочарование в реальных перспективах либеральных реформистских программ подрывает легитимность национальных государств, поддерживающих существующую миросистему.

Миграцию в направлении с Юга на Север, включающую потоки переселенцев из Восточной Европы в Западную, И. Валлерстайн считает одним из признаков кризиса современной мир-системы. Миграция приобретает все более глобальный характер в силу новых транспортных технологий, давления масштабов всемирной экономической и демографической поляризации, а также распространения демократической идеологии, подрывающей возможности управления и контроля над этими процессами со стороны либеральных государств. Миграция влечет за собой ряд кратко-, средне- и долгосрочных последствий. Одним из них является рост правых движений, требующих ограничения притока иммигрантов и, соответственно, рост возможных конфликтов между коренными гражданами и мигрантами. А. Бадью описывает ситуацию на заводе Тальбот в 1984 г. – борьбы марокканских рабочих за экономические права, настроенность французских рабочих против мигрантов, реакцию

правительства в виде «политики возвращения иммигрантов» и активизацию правых сил; этой ситуации он придает значение политического события, положившего начало новой политической истории [2, с. 57-59]. Все это происходит вследствие невозможности остановить увеличение легальной и нелегальной миграции из-за высокой стоимости поддержания юридических и физических барьеров для миграции и мирового сговора работодателей, заинтересованных в дешевой рабочей силе мигрантов. Внутри каждого государства вновь обостряются противоречия между *своими* и *чужими*. В каждой принимающей стране появляется статистически значимая группа семей мигрантов – низкооплачиваемых, социально и культурно не интегрированных и не обладающих политическими правами. Они со временем неизбежно составят наинизший слой рабочего класса, дискриминируемого и идентифицирующегося по этническому признаку. Это чревато возникновением социального напряжения.

Еще одним серьезным знаком времени является утрата массой населения исторического оптимизма, веры в неизбежное реформирование и улучшение благосостояния и жизни в будущем, легитимирующей прежде существование политических структур либерального государства. Феномен такой веры – одна из составляющих гражданской ментальности, или «светской религии» нации. Эта вера в прогресс и освобождение, устремление в будущее совпадает с «миссией» нации. Следствием ее утраты становится массовое недовольство государством, демократизация общества, связанная с требованием равных прав на получение приемлемого дохода, доступа к образованию для детей и адекватное медицинское обслуживание. Высокий уровень финансовых затрат, связанных с удовлетворением этих требований, не вполне доступен даже странам центра КМЭ, не говоря уже о странах «третьего мира». Все это вызывает тенденции дезинтеграции государственных структур, ставит под сомнение нацию как политическую общность, а также актуализирует проблему устойчивости политической культуры нации под напором культуры и традиций мигрантов, приводит к необходимости пересмотра социокультурных оснований либеральной культуры.

Интересам всей ли совокупности граждан нации-государства отвечала конструкция суверенного государства, сложившаяся в эпоху Модерна? Политическая система, предполагавшая существование суверенных государств в рамках межгосударственной системы, отвечала потребностям предпринимателей-капиталистов. Последним требовалось государство как «ночной сторож», основные функции которого – защита прав собственности, защита от свободного рынка (государственное регулирование монополий, перераспределение издержек производства), поддержание порядка в целях предотвращения выступлений трудящихся классов путем сочетания силы, обмана и уступок. Реализованные к началу XX в. либералами реформы – все-

общее избирательное право, создание элементов государства благосостояния и проповедь национализма, способствовавшего политической консолидации наций, позволили ограничить требования «опасных классов» и легитимизировать институты представительной демократии и структуры либеральных государств, а также ограничить «народный суверенитет», включая права участия граждан на прямое управление государством. Национализм заключался в воспитании патриотического чувства привязанности к своему государству: в школах этому служило введение обязательного начального, а затем среднего образования, в армии – общеобязательной (для мужчин) службы, а коллективные националистические ритуалы обеспечивали идентификацию каждого с нацией. Все три элемента либеральной программы тесно связаны с основополагающим разделением населения каждого государства на граждан и не граждан. Политические, прежде всего избирательные, права, государственные социальные программы, националистические ритуалы, повышающие сплоченность нации перед лицом внешнего и внутреннего врага, были предназначены исключительно для граждан. Даже после того, как к середине XX в. большинство населения получило доступ к политическим правам и социальным программам, гражданство остается привилегией – теперь большинства по отношению к меньшинству. Представления об исключительности тех, кто пользовался правами гражданства, специально культивировались государствами через систему образования, воспитания, массовой культуры, армию и т.п. Гражданство стало национальной ценностью, охраняемой системой права. Вера в справедливость привилегированности гражданства была спаяна с убеждением, что оно досталось рядовым членам государства в результате экономической и политической борьбы за «свободу, равенство, братство» и войн с внешними и внутренними врагами. Так гражданство стало, с одной стороны, высоким моральным правом, с другой – инструментом управления для правящей элиты, позволяющим сдерживать новые требования низших классов. Гражданство в нациях-государствах отодвинуло на задний план все расовые, этнические, гендерные, религиозные или языковые, но главное – социально-экономические различия между группами и слоями населения и выдвинуло на первый план различия (даже конфликты) между нациями. Акцент в культурном и политическом плане был перенесен с внутригосударственных противоречий и проблем на межгосударственные. Гражданство стало средством консолидации населения государства, поддерживая частичное наличие, а на практике иллюзии привилегий для большинства.

Как реакция на национально-освободительные движения была предложена либеральная программа реформ на межгосударственном уровне: самоопределение наций как функциональный эквивалент всеобщего избирательного права, экономическая модернизация

отсталых стран как эквивалент государства благосостояния. Политика национализма и расовой дискриминации по отношению к цивилизации уже не могли быть использованы. Версия всемирного либерализма успешно реализовывалась лишь до 1968 г., позже либерализм перестал служить стабильности политической системы. Предложения и уступки либералов были половинчатыми и отвечали интересам седьмой части населения мира – среднего класса, которому и обеспечивался достойный уровень жизни, а также лидеров антисистемных движений. Создание суверенных государств было и остается составной частью развития исторического капитализма. Государства гарантируют капиталистам права собственности, обеспечивают государственную защиту их деятельности, охраняют искусственные монополии, необходимые для получения сверхприбыли, защищают их интересы в борьбе с иностранными конкурентами и поддерживают порядок, гарантирующий их личную безопасность. Именно капиталисты оказываются в числе привилегированных лиц. Экономическое и политическое неравенство национальных государств в межгосударственной системе отношений открывало перед более сильными государствами возможность оказания большей поддержки своим предпринимателям. Внешнеполитический аспект гражданства и суверенитета тесно взаимосвязаны. В идеологическом и ментальном плане либерализм установил прямую зависимость между интересами граждан и национально-государственным интересом, мотивировав массы исполнять те обязанности, которые требовались для осуществления межгосударственной конкуренции за любые ресурсы. Граждане, в первую очередь представители бизнес-элиты наиболее сильных государств, в межгосударственной борьбе оказывались в исключительно привилегированном положении.

Принцип гражданства выступал в качестве институционального и социокультурного инструмента стабилизации каждого суверенного государства и всей современной миросистемы, упорядочивая внутри- и межгосударственные отношения. Вся законодательная база, система права и управления современных наций-государств основывается на идее гражданства. Однако сама эта идея имеет двоякую обращенность, она является одновременно принципом вовлечения (включения, инклюзии) в государственную (гражданскую) общность и исключения из нее. Отсюда его двоякая функция внутри государства. Исторически позитивная для периода становления и государственной институционализации капиталистического мирохозяйства роль идеи гражданства одновременно сопровождалась проблемами и противоречиями в ее реализации. Одно из них – между открытостью КМЭ и стремлением к закрыванию нации-государства (протекционизм, полицейзм) в рамках межгосударственной системы.

Миграция, или свободное перемещение рабочей силы, является одним из постоянно воспроизводящихся и необходимых социально-экономических элементов современной миросистемы. Смена центров ее хозяйственной активности, накладываясь на различия в демографической ситуации и уровне заработной платы в разных странах мира, порождает рассогласования между спросом и предложением на те или иные виды рабочей силы. Наемные рабочие устремляются в те регионы мира, где складываются более благоприятные условия труда, а работодатели в целях минимизации затрат и максимизации прибыли преодолевают юридические и иные преграды для притока иностранной рабочей силы, для легальной и нелегальной иммиграции. В настоящее время проблемы миграции все чаще приобретают политический характер. «Статус гражданина изменил значение понятия «мигрант» [5, с. 150].

Переход от статуса мигранта без прав к статусу гражданина в странах либеральной демократии предусмотрен различными юридическими нормами. Но успешность социальной интеграции мигранта определяется еще и исторически меняющимися культурными нормами гражданства. Реализация нормативной модели гражданства определяется историческим контекстом и предусматривает специфические для разных стран способы постепенной инклюзии новых граждан в политическую систему и общество. Однако в каждый момент времени не все мигранты оказываются социально и политически интегрированными, действует система включения одних, придерживания других (с предоставлением части прав) и исключением третьих групп иммигрантов. Социальная система расстается с одними культурными нормами исключения, но создает другие, воспроизводя социальные и культурные различия и придавая тем или иным из них первостепенное значение. Нация принимает одни группы «чужаков», чтобы, переопределив собственную идентичность и самосознание, исключить другие, превратив их в маргиналов или «врагов нации». Этот способ самосохранения общности, консервации ее социокультурных основ при исторических изменениях с необходимостью воспроизводится вновь и вновь.

Модель национального гражданства сохранялась почти в неизменном виде до последней трети XX в., но после событий 1968 г. впервые была высказана критика понятия гражданства и возникло разочарование в возможностях реформаторства на национально-государственном уровне. «Интернационализм» – рабочего класса, социалистических, коммунистических и международных движений борьбы за мир не пошатнул модель гражданства и национализм либеральной идеологии. Все организационные структуры этих движений создавались на национальном уровне, борьба велась за социальную трансформацию своих государств во имя международной солидарности. Новые антисистемные движения начали протестовать

против идеи гражданства как таковой, считая, что расовая или сексуальная дискриминация коренится не в индивидуальных предрасудках, но в институциональных формах. Оказалось, что в самом понятии «гражданин» содержатся завуалированные формы дискриминации. Серьезные различия в иерархическом положении отдельных групп являются следствием «институционального отмежевания» некоторых из них. Последнее внутренне присуще современной миросистеме и осуществляется систематически на уровне повседневных социальных практик и отношений, в которых воплощены конкретные культурные нормы и ментальные представления людей. Проблема в том, как снизить последствия институционально укорененных форм расовой и иной дискриминации.

Это вновь заставляет обратиться к истокам. Дело в том, что исходные теоретические принципы гражданства никогда в полной мере не были реализованы даже по отношению к лицам, к которым они должны были применяться. Означает ли это, что в самой системе гражданства существуют противоречия? От эпохи к эпохе и в каждой стране воспроизводится проблема определения круга лиц, достойных предоставления прав гражданина. Она конкретизируется в ряде вопросов: должны ли быть предоставлены детям мигрантов права, которыми пользуются дети коренных граждан; следует ли отказать в ряде прав мигрантам и т.д. Многочисленны требования распространить права граждан на не граждан, пусть постепенно, частично, например предоставить право голоса на местных выборах. Появляются все новые типы групп, выдвигающие те или иные требования к обществу и государству. Действующая система квот всегда вызывает несогласие исключенных групп. Возникает проблема возможности создания такой системы гражданства, которая бы не апеллировала к группам и подгруппам граждан. Существующая система зачастую действует в духе «разсизма наоборот»: ранее отмежеванные от нации группы теперь на законных основаниях получают особый статус за счет других групп низших слоев населения, которые исторически были интегрированы (например мужчин-пролетариев, принадлежащих к доминирующей этнической группе).

Сталкиваются два возможных принципа либеральной системы гражданства: принцип равенства индивидов и принцип равенства групп. Тот и другой имеют позитивную и негативную стороны. Поиск групповой идентичности осложнял привычный режим формирования национальной идентичности, интегрирующей персональные идентичности граждан. Но реальное равенство индивидов в принципе недостижимо даже в рамках европейских и американской наций. К тому же на фоне уже состоявшегося существенного изменения состава населения в европейских странах и США возникает проблема «биокультурной иерархии групп» и дискриминации исто-

рических обычаев и традиций некоторых групп иммигрантов, а равенство групп препятствует интеграции нации и чревато «культурным» национализмом, сегрегацией, разделением нации на «коллективных граждан». Наиболее глубокой проблемой для культурного национализма является проблема определения и самоопределения групп, поскольку процесс их формирования и дробления может быть бесконечным, а проблема приоритета одних групп перед другими постоянно возобновляется.

Все современные дискуссии продолжают оставаться в рамках идеи гражданства, содержащей в себе двойной код инклюзии/экслюзии. Всегда существуют лица, исключенные из граждан, причем критерии исключения оказываются не вполне рациональными и произвольными. Понятие гражданина (и модели национального гражданства Модерна) связано с самой структурой капиталистического мирохозяйства и иерархической государственной системой. В нем всегда присутствуют, во-первых, признак привилегированности, во-вторых, цель сдерживания претензий «опасных» классов, поэтому оно обладает внутренним встроенным механизмом вовлечения/исключения. И. Валлерстайн считает необходимым выйти за пределы идеи гражданства и современной – не эгалитарной, социально поляризованной и находящейся в кризисе миросистемы.

В осмыслении проблемы современных трансформаций гражданства интересен также неомарксистский и постмарксистский левый дискурс. Н. Хомский рассматривает внешнеполитические аспекты функционирования современных наций-государств под углом зрения их связи с социальным неравенством внутри государств. Он критикует концепцию «государств-изгоев» (Ирака, Ливии, Кубы и Северной Кореи), «угрожающих» другим странам, и считает ее теоретическим обоснованием агрессивной внешней политики США. Другим тезисом обоснования этой политики как «ответственной миссии США по защите мира» являются «интересы нации и ее граждан». Соединение этих тезисов дает приемлемый для США способ консолидации нации с помощью конструирования новых внешнеполитических угроз со стороны «врага». Н. Хомский показывает, что национально-государственный интерес США в либеральной традиции считается совпадающим с интересами граждан, однако на практике под правами граждан подразумеваются права наиболее влиятельных инвесторов, а социально-экономические противоречия между крупными инвесторами и рядовыми гражданами не берутся в расчет. Внешняя политика государств – отражение внутренней экономической ситуации, социальной структуры и фактической системы господства. Внешние войны, которые вели США, – проявления «гражданского национализма» (Т. Нейрн), – приверженности собственной нации и враждебности по отношению к другим нациям, особенно с иной идеологической ориентацией. Причины военных преступлений

США коренятся в неизменности институциональных структур, от которых исходят политические установки национализма, а также культурных стереотипах и доктринальных системах, поддерживающих эти институты [21, с. 215]. Цель конституционной системы США, по мнению Н. Хомского, – «защитить меньшинство от большинства и обеспечить, чтобы страной управляли те, кому она принадлежит» [16, с. 248]. Отсюда – недостижимость идеи народного суверенитета.

По нашему мнению, именно национальное государство и гражданство – структуры-носители «гражданского национализма» как составной части либеральной идеологии и бытового национализма как практического мировосприятия граждан. Функционирование этих институтов невозможно без постоянного воспроизводства стереотипов первенства прав граждан перед правами человека, привилегированности перед равенством, локального перед универсальным. Это глубинное социокультурное и психологическое основание национального государства и гражданства. В Новое время мощную культурную поддержку получил индивидуализм – развитие «Я» (личности, индивидуальности), вызвав череду его неоднозначных трансформаций, а также отождествление государства (как «юридического лица») с личностью, национальной идентичности с идентичностью персональной, породив спектр экономических, правовых, политических и иных позитивных и негативных последствий. Структуре и символическому содержанию института гражданства, переходящего в иерархическое устройство нации-государства, внутренне присуще социальное неравенство. Оно коренится в отождествлении «страны» с крупным бизнесом («инвесторами»), привилегированным меньшинством, «лучшими» гражданами. Этот аспект выражается оппозицией *эгалитарное – элитарное* и касается степени реализации прав граждан в зависимости от их статуса в социальной иерархии.

Размышления Н. Хомского касаются также места прав человека в современной международной системе, создаваемой конфигурацией взаимодействия национальных государств и транснациональных корпораций. Он приводит данные о росте показателей экономического, политического и социального неравенства между странами первого мира и всеми остальными, а также внутри таких стран как США и Великобритания – о социальной поляризации, увеличении продолжительности рабочего времени, подрыве прав работающих, снижении охвата рабочих профсоюзами и др. Дальнейшая либерализация экономики служит оружием наступления на демократию и государство «всеобщего благосостояния». Эти тенденции противоречат Всеобщей декларации прав человека, превращая ее в «письмо к Санта-Клаусу» [16, с. 147]. Международный политический строй, регулируемый Уставом ООН, характеризуется релятивизацией правовых норм и утверждением принципа «главенства силы над правом». Универсаль-

ные стандарты прав человека налагают некоторые ограничения на суверенитет тех или иных государств, что служит обоснованием политики вмешательства сильных государств во внутренние дела слабых. На практике права человека играют совсем иную роль, нежели та, что определена Декларацией. Результатом политики международных финансовых (МВФ, Всемирный банк и др.) и иных институтов и следствием «неолиберального» курса США являются массовые нарушения прав человека во всех частях земного шара, зафиксированные неправительственными организациями.

С учетом того, что государства находятся между собой в неравных отношениях и выстраиваются в межгосударственную экономико-политическую иерархию от слабейших, подчиненных, к сильнейшим, господствующим, можно сказать, что в реальной политической политике универсальные права человека сталкиваются с правами граждан национальных государств, под которыми фактически скрываются права «инвесторов» – интересы большого бизнеса. Последние заключаются в том, чтобы не допустить независимости и политического участия иных субъектов ни внутри своего государства, ни вовне, будь то Азия, Африка или другие регионы.

Судя по всему, миграция представляет собой необходимый элемент функционирования КМЭ и является следствием военной и экономической экспансии сверхдержав. Она лишь обнажает противоречия, присущие этой системе, является показателем вхождения ее в серьезный кризис, и одновременно, усиливает его. Сверхдержавы, центры КМЭ, сначала порождают миграцию, колонизируя те или иные страны, затем освобождая и разоряя их, но внедряя в умы населения «универсальные стандарты прав человека», завышенные потребности и желания, «гонят» переселенцев в свою сторону, чтобы затем иметь дело с проблемами мигрантов в собственных странах, а также с проблемой разрушения гражданской политической культуры как основы системы представительной демократии.

В отношении к мигрантам в национальном самосознании и структурах государства развитых стран в настоящее время возникают те же дилеммы и проблемы, что и в отношении к низшим слоям общества во времена буржуазных революций. Мигрант в первом поколении, не обладая первое время даже гражданскими правами, не говоря уж о социально-экономических и тем более политических, находится в полурабском положении. Отношение *гражданин – мигрант* выражает самые глубокие контрасты социального и политического статуса современного индивида. Здесь обнаруживается исходная для гражданства и инвариантная для его исторических типов основа власти – отношение *господство – подчинение*. Переплетение этих оппозиций дает предельный смысл отношениям гражданина и мигранта. На этом поле ведет свою главную войну (войну «банального национализма» – термин Т. Нейрна) обыватель-гражданин, не по-

нимающий сути происходящего, но нутром чувствующий потенциальное посягательство на свои привилегии. Для политической элиты эта «война» – средство консолидации нации и смещение внимания населения от социальных противоречий внутри общности граждан государства на «чужака», способного сыграть роль «козла отпущения». Мигрант второго поколения в большей степени интегрирован в общество и культуру страны-реципиента, но тем острее он чувствует отсутствие у него политических прав и проявления расовой, этнической, религиозной или иной дискриминации в его повседневном взаимодействии с «коренными» гражданами.

Таким образом, выявляются основные противоречия национального гражданства: 1) в отношениях граждан и не граждан как отношениях *своих-чужих* (в горизонтальных взаимодействиях) и *господства-подчинения* (в вертикальных, властных, политических структурах); 2) в отношениях граждан между собой – отношениях неравенства, складывающихся в противоборстве *эгалитарного и элитарного* принципов формирования государства. В наиболее предельном, логически последовательном выражении суть модели гражданства, восходящая к историческим его типам (античному в особенности), заключается в том, что гражданин – тот, кто находится в состоянии войны с не гражданином, войны явной или неявной, физической, экономической, информационной, символической и т.п. Но есть еще иерархия в самой системе гражданства – первых («среди равных»), вторых, третьих граждан; есть дифференциация привилегированности, скрытые утонченные формы господства и подчинения, неравный доступ к власти и ресурсам. То или иное определение круга граждан, таким образом, – ключевая проблема институционального и символического содержания гражданства. В ней сходятся все оппозиции, выделенные нами в качестве структуро- и смыслообразующих для феномена гражданства. Все они актуализируются при переопределении состава граждан, требующемся любому государству при выработке отношения к миграции и мигрантам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: ООО Фирма «Инфограф», 1999. 384 с.
2. Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитики / Пер. с фр. Б. Скуратов, К. Голубович. М.: Логос, 2005. 240 с.
3. Бляхер Л.Е. Моральная экономика и моральная политика, или игра в перепрятанности доходов // Полис, 2001. № 1. С. 64-72.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. 96 с.

5. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
6. *Вертовек С.* Направление действий среди многообразия культур и виды гражданства в европейских городах // *Международный журнал социальных наук*, 1998. № 3. С. 33-47.
7. *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1997. 382 с.
8. *Капустин Б.* Законодательство истины, или Заметки о характерных чертах отечественного дискурса о нации и национализме // *Логос*, 2007. № 1(58). С. 103-137.
9. *Кемеров В.Е.* Мир-системный подход // *Современный философский словарь* / Под общ. ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кемерова. Лондон – Франкфурт-на-Майне – Париж – Люксембург – Москва – Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 492-496.
10. *Малинова О.Ю.* Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // *Полис*, 2004. № 5. С. 7-17.
11. *Межуев Б.В.* Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // *Полис*, 2004. № 5. С. 19-27.
12. *Российское гражданство* / Под ред. проф. В.Я. Кикотя. М.: Закон и право, 2003. 272 с.
13. *Турэн А.* Социальные трансформации двадцатого столетия // *Международный журнал социальных наук*, 1998. № 23. С. 9-16.
14. *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
15. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
16. *Хомский Н.* Государства-изгой. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. 320 с.
17. *Гражданство* // *Энциклопедический юридический словарь*. М.: Энциклопедия, 1984. С. 75-76.
18. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991. 264 p.
19. *Marshall T.* Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge: University Press, 1950. 154 p.

RESUME

Irina Borisovna Fan, Candidate of philosophy, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 251-70-88 Irina-fan@yandex.ru

Citizenship and Migration in Political Concepts in the XX Century

The article observes the main concepts of transformation of the institute of citizenship under the influence of globalization and migration in particular. The author demonstrates the historical and socio-cultural conditions of this institute, its changeable and controvertial character.

Citizenship, institute, migration, global political process.

Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века

Материал поступил в редколлегию 04.04.2008 г.